

УДК 342; 130.2

DOI 10.18413/2712-746X-2021-46-1-99-105

Этнокультурные механизмы формирования терроризма в современном мире

¹Гурба В.Н., ²Римский А.В.

¹Южный Федеральный Университет

Россия, 344006 г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

²Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина

Россия, 308024, Белгород, ул. Горького, 71

E-mail: vgurba@sfedu.ru; rimskiy87@mail.ru

Аннотация. Феномен этнокультурного разнообразия признан в качестве реальности на глобальном уровне, но в качестве реальности можно считать и принятие глобальных масштабов политики и идеологии терроризма, преследующих целью дестабилизацию, хаос, страхи и тревоги путём насилия, репрессий, принуждения по отношению к государству, обществу, личности. В настоящей ситуации повышенное внимание обращается на конфессиональное измерение международного терроризма, что часто приводит к возникновению конфликтных ситуаций, но нельзя не обращать внимание и на локальный терроризм, связанный с определенными этнокультурными установками к рецидиву прошлого. В условиях социальной и политической неопределенности, исчезновения чувства всеобщей лояльности и гарантированной безопасности, под влиянием стремительных перемен в общественной жизни и общественных настроениях воспроизводятся рецидивы этнотерроризма, связанные с парадоксами современности, с сосуществованием архаики этнических стереотипов и использованием современных методов конструирования этнической традиции, связанной с героизацией насилия, как способа защиты этноса.

Ключевые слова: этнокультурные механизмы, терроризм, этнокультурная группа, этноэкслюзия, этническая идентичность, этнонационализм, этническая однородность.

Для цитирования: Гурба В.Н., Римский А.В. 2021. Этнокультурные механизмы формирования терроризма в современном мире. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 46 (1): 99–105. DOI 10.18413/2712-746X-2021-46-1-99-105

Ethno-cultural mechanisms of terrorism formation in the modern world

¹Vladimir N. Gurba, ²Alexey V. Rimskiy

¹Southern Federal University

105/42 B. Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation

²Belgorod law Institute of the Ministry of internal Affairs. I.D. Putilin

71 Gorky St, Belgorod, 308024, Russian Federation

E-mail: vgurba@sfedu.ru; rimskiy87@mail.ru

Abstract. The article is aimed at a critical analysis of the theoretical foundations and practices of terrorism in the modern world in an ethno-cultural context. The phenomenon of ethno-cultural diversity is recognized as a reality at the global level, but the adoption of the global scale of the policy and ideology of terrorism, aimed at destabilization, chaos, fears and anxieties through violence, repression, coercion against the state, society, and the individual, can also be considered as a reality. In the present situation, increased attention is paid to the confessional dimension of international terrorism, which often leads to conflict situations, but it is impossible not to pay attention to local terrorism associated with certain ethno-cultural attitudes to the relapse of the past. In terms of social and political uncertainty, the disappearance of a sense of shared loyalty and guaranteed security, under the influence of rapid changes in social life and public sentiment are reproduced recurrence of toterrorism related to the paradoxes of modernity, with the coexistence of archaic

ethnic stereotypes and the use of modern methods of constructing an ethnic traditions associated with the glorification of violence as a way to protect ethnic group.

Key words: ethno-cultural mechanisms, terrorism, ethno-cultural group, toexclusive, ethnic identity, ethnic nationalism, ethnic homogeneity.

For citation: Gurba V.N., Rimsky A.V. 2021. Ethno-cultural mechanisms of terrorism formation in the modern world. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46(1): 99–105 (in Russian). DOI 10.18413/2712-746X-2021-46-1-99-105

Введение

Эпоха глобализации, несмотря на определенные временные разночтения, приобрела отчетливые контуры интеграции различных сфер общественной жизни с конца XX века, когда система мировых отношений прошла период глобализации. В нынешней ситуации результаты этого процесса воспринимаются неоднозначно, так как демонстрирует эпидемиологический кризис, на поверхность всплыли конфликты, связанных с логикой отстаивания национальных интересов, фантомы реал-политики, проявились контуры этнонационализма и этноцентризма. Социальные диспропорции на страновом и внутристрановом уровнях характеризуют возникновение новых рисков и возвращение социальных и политических рецидивов.

Терроризм как практика и идеология насилия и устрашения по отношению к государству, обществу, конкретным социальным и этническим группам вновь заявляет о себе не только в глобальном масштабе на основе политической абберации конфессионального фактора, как это проявилось в доктрине «Исламского государства», с мобилизацией исламской уммы для борьбы с «миром зла» и очищением «мира света» для возвращения к первоистокам исламской веры. Не меньшее значение в современных условиях обретает роль этнотерроризма, внешне локального, но имеющего схему целей и действий, направленных на строительство мононациональных государств, как это проявилось на Балканах в контексте возникновения псевдогосударства Косово, этнических чисток в Хорватии и стремлении провести территориальную ревизию в Северной Македонии.

Можно сослаться на уникальность и единичность событий в балканском узле и успокаивать себя тем, что распад Советского Союза не повлек масштабных кровавых войн («в качестве примера приводится «бархатный развод» по чехословацкому варианту), но реальность состоит в том, что этнотерроризм является не только визитной карточкой недавнего прошлого (терроризм ИРА, тамильский терроризм, корсиканский «автономизм»), но, как свидетельствуют недавние события в соседнем государстве, Украине, методы террора, насилия и принуждения, репрессий и диффамаций актуализируются по отношению и к политическим оппонентам, и к этническим группам.

Фактически в рамках этнонационализации конструируются идеогемы суверенности, самобытности, избранности исторического пути, особых качеств этноса, и обосновывается не только право на родной язык и родную территорию, но и реализуется политика достижения этнической однородности на уровне применения политико-правовых и административных мер и путем гонений, запретов, ограничений или заказных убийств неугодных политиков, блогеров, как это мы видим по результатам деятельности «пробандеровских» националистических групп.

Между тем этнотерроризм является следствием не только внешних факторов, связанных с неравенством в контексте глобализации, «замороженных» и нерешенных национально-территориальных конфликтов, но и имеет внутренние этнокультурные факторы, критический анализ которых осложнен привносимой в современный мир идеей толерантности, терпимости к этнокультурным различиям, нейтралитета к этнокультурным образам и схемам, содержащим неоднозначный исторический опыт, обиды и предрассудки, основанные на образе «врага».

Очевидно, что этнокультурные механизмы терроризма актуализируют необходимость теоретической демаркации этнических стереотипов, порождающих ксенофобию и отчужденные оценки, связанных с пониманием природы этнотерроризма, имеющего контур действий и целей, определяемых дискурсом насилия и агрессии, совокупности установок, представлений, схем действия и восприятия, нацеленных на самолегитимацию и легитимацию ссылкой на этническую традицию, этнический кодекс, преемственность поколений и движение к «национальной мечте». Таким образом, терроризм, к сожалению, ставший влиятельным фактором современной жизни, не может быть критически осмыслен вне идеологических штампов и этнических стереотипов без обращения к этнокультурным механизмам формирования и развития.

Методология исследования

Исходной методологической позицией в исследовании этнокультурных механизмов формирования терроризма можно полагать бинарность конструктивизма/ субстанционализма. В объемном исследовании швейцарского историка У. Альтерматта демонстрируется принципиальность высказываний, относящихся к процессу этнизации, отмечается, что «в то время как европейцы становятся все более похожими друг на друга при потреблении и ведении хозяйства, на уровне культуры они поднимают мятеж против глобализации, изолируются и используют культурные различия в качестве предлога для обособления иных» [Альтерматт, 2000, с. 11].

Устарели ли положения, выдвинутые исследователем этнонационализма в Европе в двадцатилетнюю дистанцию? Ответ на этот вопрос не может быть категорическим. С одной стороны, процесс европейской интеграции содержит очевидные результаты на рынке перемещения товаров, услуг, рабочей силы, характеризуется общеевропейскими образовательными и культурными программами, определяется логикой развития наднациональных институтов. Вместе с тем есть основания считать, что этнонационализм укрепляет позиции в массовых настроениях населения Восточной и Центральной Европы, что новые члены ЕС придерживаются стратегии национального «эгоизма» и строят свои отношения со странами «старой» Европы на основе политики предпочтений, асимметричных компромиссов, ограничения на прием мигрантов (Венгрия, Польша, страны Балтии).

Внешне данные проблемы не затрагивают интересующую нас тему, могут быть квалифицированы как правый популизм, но опыт украинской современности показывает, что в силу слабости государственных институтов или поддержки стратегии этнизации, терроризм становится не случайным эпизодом, а тенденцией, сопутствующей современным политическим процессам.

Поэтому исследовательская ситуация является парадоксальной, противоречивой, связана с тем, что российский социолог Ж.Т. Тощенко определил необходимостью выявления и оценки общественного сознания [Тощенко, 2001, с. 8]. Речь идет о том, что этнокультурные механизмы определяются опытом конструирования, введения в общественный дискурс уже отмеченных понятий этнокультурного ряда. Реальное сознание, формируясь по логике повседневности, испытывает влияние теоретических конструктов, выдвигаемых интеллектуальной элитой и массмедиа. Предлагая для изучения феномен «парадоксального человека», Ж.Т. Тощенко видит смысл исследовательской деятельности в том, чтобы остановиться на парадоксах национального сознания интеллигенции как носителя национальной идеи [Тощенко, 2001, с. 210]. Примечательно, что социолог выводит состояние межэтнических конфликтов из обид на русскую державность, то есть в высказанном положении есть рациональное зерно потенциала терроризма в политике этносуверенизации, позволяющей избирательный террор против чужих путем применения агрессивных действий с целью изгнания, вытеснения или дискриминации.

Характерно, что актуализируемый Ж.Т. Тощенко конструктивистский подход содержит исследовательскую установку на сферу общественного сознания, когнитивирует

предопределенность исходной позиции в том, что можно охарактеризовать как «неизбежность историцизма» [Бергер, Лукман, 1995, с. 19]. По своей ориентации конструктивизм утверждает взаимосвязь идеальных и реальных факторов. К идеальным относятся система ценностей и диспозиций (установок) на этнос как конструируемую общность, к реальным – воспроизведение этнических стереотипов «особости» и избранности.

Российский исследователь Т.А. Сметанина в определении концепций европоцентризма и самобытности в российском обществе в контексте глобализации мировых цивилизационных процессов и сохранения этнокультурной идентичности подчеркивает стремление к защите национально-культурной самобытности на основе артикулирования архаизмов массового сознания [Россия: многообразие..., 2010, с. 65]. В этом смысле востребованной становится легитимация стратегии защиты самобытности включением исторически закреплённых механизмов, попрания прав инородных групп, отрицающих идею органического развития этноса и реализующих глобалистский наднациональный проект. Важно, однако, что движение к духовному идеалу не содержит осуждения насилия и принуждения в противостоянии носителям альтернативной идентичности.

Можно сказать, что конструктивизм содержит негативистский подтекст, связанный с пониманием этнокультурного многообразия как рукотворного. Здесь можно согласиться с тем, что этнокультура как совокупность традиций, установок, представлений и образов, связанных с осознанием принадлежности к конкретному этносу, не является исторически неизбежным и естественно спонтанным процессом. Но следует принимать методологическую «несуверенность» конструктивизма в том, что в силу конкретных исторических обстоятельств этносы проходят периоды пассионарности и упадка, что терроризм формируется в конфигурации социальных и этнокультурных парадоксов, противоречий, определяемых социальным и правовым неравенством, отчуждением от государственных и общественных институтов и утверждением позиции этнического превосходства, обособленности, якобы содержащей гарантию исторического выбора, нацеленности на сохранение и развитие нации. В таком случае терроризм оправдывается как «оборонительный» или утверждающий предопределенность исторического реванша, возмещения жертв, понесенных при оккупации или угнетении (актуальна проблема оправдания нацистских коллаборационистов в Прибалтике, которые в период Второй мировой войны развязали кровавый террор против мирных жителей на территории Белоруссии и России).

Таким образом, конструктивистский подход может быть расширен на комплементарном уровне актуализацией процедур пассионарности и атрибутивности, включающей отложившейся в исторической памяти образы справедливости, добра, свободы, достоинства, хаоса и порядка. Это важно для понимания характера этнокультурных механизмов формирования терроризма как политического и идеологического феномена современности, ориентированного на актуализацию этнического наследия для инсценировки имморальных по символическому вызову действий за пределами «добра» и «зла» [Бодрийяр Ж. 2016, 103].

Результаты и выводы исследования

Развитие современной политической ситуации характеризуется нарастанием турбулентности, неопределенности и хаоса, непредсказуемости среднесрочных и долгосрочных политических сценариев. Подтверждаются выводы социолога З. Баумана, что современное «индивидуализированное» общество, как позднее «модернити», дисперсно и аморфно, характеризуется утратой авторитета государства и общества и «самонадеянной» активностью несистемных групп [Бауман, 2002, 25]. Иными словами, перед нами предстает мир без центра, без идей, в котором исчезают основания для взаимной лояльности и солидарности.

Можно сказать, что актуализируется возвращение к терроризму как к якобы доступному инструменту упорядочить «национальное бытие» путем принудительной

экслюзии тех, кто будто представляет угрозу безопасности этноса. В этом и состоит привлекательность и притягательность террористических идей и действий, вписывающихся в мир, где отсутствуют правовые и моральные регуляторы «должного» и «недолжного». Это значимо актуально в условиях радикального изменения этнонациональной структуры современной Европы, свершившегося факта «присутствия третьего мира» на европейском континенте. Происходившие в последнее десятилетие серии террористических актов во Франции, Бельгии, Великобритании являются, на наш взгляд, следствием «импорта» идей радикального ислама, но и связаны с одним заслуживающим внимания и часто игнорируемым в силу идеологических стереотипов фактом, что главными «действующими лицами» становились мигранты во втором поколении, казалось бы, не имеющие укорененности в среде радикализма, лица с криминальным или полукриминальным «бэкграундом» или выходцы из состоятельных успешных семей, интегрированных в западное общество.

На наш взгляд, очевидна тенденция этнической анклавизации, этнического исключения. Как свидетельствуют результаты исследования российских ученых о зарубежных моделях национальной интеграции, культурные индикаторы, используемые за рубежом, фиксируют уровень участия мигрантов в общественной жизни [Волков и др., 2015, с. 63]. Но при этом не учитывается другой набор культурных индикаторов, связанных с анализом результатов политики мультикультурализма, как доминирующей модели межэтнической интеграции и напряженности, создаваемой этнокультурными различиями в рамках осознания этнокультурными группами сохранения идентичности и отрицания противоречащих этнической традиции позиций толерантности по социально-бытовым, социально-ролевым, социально-поведенческим установкам.

Следует отметить, что в современной Европе, несмотря на призывы к сохранению и усилению европейского единства, возникает новый политический риск, подвергающийся запрету на допуск в общественно- публичную сферу. Речь идет об «оформлении» тенденции к консолидации этнокультурных групп на основе принятия этнического фактора в качестве «негативно мобилизационного», того, что исследователь М. Хечтер определяет как консоционализм [Hechter, 2002, p. 139]. Сущность этого явления политической жизни состоит в том, что для объединенной стратегии этнокультурных групп актуализируется стратегия шантажа террором, требованием расширить компетентность этнодиаспор во влиянии на общественно-политическую жизнь путем установления собственных правил и регуляторов, что якобы гарантирует позицию нейтралитета по отношению к государственным органам и гражданам принимающей страны.

Исходным посылом является то, что современная европейская цивилизация утратила моральные и семейные ценности, опирается на постмодернистскую трактовку прав человека, где исчезло понятие личности, и подвергает молодежь риску нравственной деградации, анархизма и нигилизма. В вину вменяется обучение в школе, влияние массовой культуры, пропаганда наркотиков и потребительского образа жизни: в этой ситуации молодежь, утратившая этнические корни, становится инструментом террористов, легко переходит от массовых насильственных действий в отношении правоохранительных структур к борьбе против государства в целом, институтов, воплощающих идеологию мультикультурализма.

Необходимо отметить, что подобная позиция является двойственной, поскольку, с одной стороны, отражает стремление представителей «этнического предпринимательства» под видом защиты этнокультурного многообразия и этнокультурной идентичности занимать кратологические позиции, с другой – прослеживается намерение держать террористические интенции (установки) на контроле, не подвергать риску неуправляемости ситуации, воспроизведения позиций ксенофобии и расизма среди групп местного населения с высокой степенью интолерантности.

Как отмечается в исследовании «Расизм, ксенофобия, дискриминация», где, несмотря на заявленность остроактуальности научной и общественно-политической

проблемы, в целом проявляются предвзятые оценки, связанные с массовой миграцией в Россию, в качестве позитивной научной программы предлагается не эссенциалистская и негрупповая перспектива [Расизм, ксенофобия, дискриминация. 2013, с. 159]. В контексте ее реализации утверждается, что ксенофобия, якобы распространенная во всех слоях российского общества, является первичной причиной уязвимости этнических групп к влиянию идеологии терроризма.

Правда, при этом упускается тот факт, что до недавнего времени проявлялась рискогенная ситуация прибытия в Россию лиц с откровенно радикальными настроениями и установкой на допустимость вовлечения и участия в террористической деятельности из регионов ближнего зарубежья. Важный аспект, выпадающий из дискуссии авторов сборника на актуальную тему, – тот факт, что отсутствуют инструменты согласования интересов и разграничения компетенций акторов антитеррористической политики в этнокультурной среде. Вероятно, сформулированное выше положение требует не риторики толерантности, а основывается на использовании процедур профилактики и нейтрализации «террористического дискурса», и в связи с этим особый интерес представляет понимание специфики терроризма, отрицание его исторической неизменности и этнической привязанности.

Следует отметить, что формирование культуры интолерантности (нетерпимости) к терроризму и его носителям определяется и межкультурным диалогом, повышением этнокультурной компетентности, созданием репертуара (диапазона) действий, ориентированных на модель «мягкой» интеграции. Британский исследователь П. Кольер в монографии с многозначительным названием "Exodus" подчеркивает, что иммиграция и мультикультурализм в XXI веке создали ситуацию непредвзятото непонимания того, что под явление терроризма могут попадать опасные с точки зрения общественной безопасности деяния в силу удаленности от достаточного уровня общения между мигрантами, представляющими собственные этнокультурные установки и приоритеты и местным населением [Cullier, 2013, p. 74].

Таким образом, оценки расизма и ксенофобии в России, приведенные выше, игнорируют универсализм проблемы интеграции мигрантов в статусе этнокультурных групп и попытки не допускать негрупповой перспективы, реально испытывают сопротивление со стороны мигрантов, консолидированных «общей судьбой», земляческими (локальными) связями, этнической идентичностью и требованием соблюдать кодекс поведения, предписанный этнокультурными установками. Можно согласиться с тем, что влияние эссенциализма, внесение элементов естественности и неизменности по отношению к конкретным этнокультурным группам нельзя квалифицировать как социально позитивное, но и отрицание наследственных этнокультурных факторов (традиций, исторического опыта, обычаев) в возрастании способности или нейтрализации готовности к террористическому действию не может быть достаточно обоснованной.

Это связано с тем, что, как пишет А. Мухин, в России структура диаспор построена таким образом, что приоритетными являются вопросы влияния, лоббирования интересов страны происхождения и диаспорных элит, отсюда настроенность на приращение финансово-экономического и политического капитала, что определяет важность отношений между официальными властями стран происхождения и действующими на территории России [Мухин А. 2005, с. 8]. Не принижая значимость связей с исторической родиной с целью сотрудничества в ближнем зарубежье, следует отметить актуальность налаживания диалога в российском пространстве, имея в виду и профилактику рисков, связанных с деятельностью альтернативных диаспорных структур, с установками на оправдание терроризма как ответа на этническую дискриминацию и социальную несправедливость.

Список литературы

1. Альтерматт У. 2000. Этнонационализм в Европе. Москва, РГГУ. 366 с.
2. Бауман З. 2002. Индивидуализированное общество. Москва, Логос. 324 с.

3. Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. Москва, Медиум. 323 с.
4. Бодрийяр Ж. 2016. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. Москва, РИПОЛ классик. 222 с.
5. Волков Ю.Г., Вялых Н.А., Дегтярев А.К., Лубский А.В., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Чернобровкин И.П. 2015. Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой. Ростов-на-Дону, ЮФУ. Фонд науки и образования, 320 с.
6. Мухин А. 2005. Диаспоры и землячество: вопросы влияния. Москва, Алгоритм. 204 с.
7. Расизм, ксенофобия, дискриминация: какими мы их увидели. Сост. и отв. ред. Е. Деминцева. 2013. Москва, Новое литературное обозрение. 384 с.
8. Россия: многообразие культур и глобализация. Ответ. ред. И.К. Лисеев. 2010. Москва, Канон+. 446 с.
9. Тощенко Ж.Т. 2001. Парадоксальный человек. Москва, Гардарики. 398 с.
10. Cullier P. 2013. Exodus. Oxford. 74 p.
11. Hechter M. 2002. Containing nationalism. Oxford. 139 p.

References

1. Altermatt, U. 2000. Ethno-nationalism in Europe. Moscow: RSUH. 366 p.
2. Bauman, Z. 2002. An individualized society. Moscow: Logos. 324 p.
3. Berger P., Lukman T. 1995. Social construction of reality. Moscow: "Medium". 323 p.
4. Baudrillard J. 2016. The spirit of terrorism. There was no Gulf War. Moscow: RIPOL Klassik. 222 p.
5. Volkov Yu.G. Vyalykh N.A. Degtyarev A.K. Lubsky A.V. Posukhova O.Yu. Serikov A.V. Chernobrovkin I.P. 2015. Value policy and institutional practices in the field of interethnic relations in economically developed countries with a complex ethno-cultural structure. Rostov-on-Don, SFU. Foundation for Science and Education, 320 p.
6. Mukhin A. 2005. Diasporas and fellow-countrymen: issues of influence. Moscow: Algorithm. 204 p.
7. Racism, xenophobia, discrimination: how we saw them. Compiled and edited by E. Demintseva. 2013. Moscow: New Literary Review. 384 p.
8. Russia: multiculturalism and globalization. Responsible editor: I. K. Liseev. 2010. Moscow: Kanon+. 446 p.
9. Toshchenko Zh. T. 2001. A paradoxical man. Moscow: Gardariki. 398 p.
10. Collier P. 2013. Exodus. Oxford. P. 74.
11. Hechter M. 2002. Containing nationalism. Oxford. P. 139.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гурба Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности Южного Федерального Университета, заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе, Ростов-на-Дону, Россия

Римский Алексей Викторович, кандидат философских наук, лейтенант полиции, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД РФ им. И.Д. Путилина, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir N. Gurba, Doctor of Sociology, Professor, Department of Conflict and National Security, Southern Federal University, Deputy Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Southern Federal District, Rostov-on-Don, Russia

Alexey V. Rimskiy, Candidate of Philosophy, Lieutenant of Police, Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Belgorod law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia I.D. Putilina, Belgorod, Russia